

РАЙМОНД
ДЕ РУВЕР

ВОЗВЫШЕНИЕ
И УПАДОК
БАНКА
МЕДИЧИ

СТОЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ
НАИБОЛЕЕ ВЛИЯТЕЛЬНОЙ В ЕВРОПЕ
ДИНАСТИИ БАНКИРОВ

Самый авторитетный труд, посвященный банковской системе
позднего Средневековья и эпохи Возрождения

The Economist

Раймон де Рувер

**Возвышение и упадок Банка
Медичи. Столетняя история
наиболее влиятельной в
Европе династии банкиров**

«Центрполиграф»

УДК 929
ББК 84(7Сое)

Рувер Р.

Возвышение и упадок Банка Медичи. Столетняя история наиболее влиятельной в Европе династии банкиров / Р. Рувер — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5386-9

Представители семейства Медичи широко известны благодаря своей выдающейся роли в итальянском Возрождении. Однако их деятельность в качестве банкиров и торговцев мало изучена. Хотя именно экономическая власть позволила им захватить власть политическую и монопольно вести дела в Европе западнее Рейна. Обширный труд Раймонда де Рувера создан на основе редчайших архивных документов. Он посвящен Банку Медичи – самому влиятельному в Европе XV века – и чрезвычайно важен для понимания экономики, политики и общественной жизни того времени. Любопытно и то, что история Банка Медичи перекликается с сегодняшним днем и обогащает наши познания об истоках современного бизнеса.

УДК 929
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-9524-5386-9

© Рувер Р.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	14
Церковная доктрина ростовщичества и деловая практика	15
Корпорация менял и Банк Медичи	19
Флорентийский налог катасто	24
Денежные системы, используемые в записях Медичи	33
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рувер де Раймонд
Возвышение и упадок Банка Медичи.
Столетняя история наиболее
влиятельной в Европе династии банкиров

Посвящается Эбботу Пейсону Ашеру

RAYMOND de ROOVER
THE RISE and DECLINE of the MEDICI BANK

1397—1494

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф»

Глава 1

Введение

Современный капитализм, основанный на частной собственности, уходит корнями в период итальянского Средневековья и Ренессанса. С времен Крестовых походов до эпохи Великих географических открытий Италия сохраняла главенство в экономике западного мира, а ее купцы были признаны ведущими предпринимателями. Они стали посредниками, которые, благодаря своим торговым связям, соединяли страны Леванта с берегами Северного моря. В эпоху Римской империи Средиземное море снова стало *Mare Nostrum*, итальянским морем, над которым гордо реяли флаги Генуи, Пизы и Венеции. Наверное, основой итальянской международной торговли можно считать восточные специи, которые всегда пользовались спросом на Западе. Впрочем, итальянские купцы торговали и другими товарами, среди которых выделяются шелковые и шерстяные ткани. По современным меркам объем международной торговли был небольшим, так как в значительной степени сводился к предметам роскоши. Впрочем, вовсе нельзя считать исключительными случаи, когда на большие расстояния перевозились такие относительно дешевые и довольно громоздкие товары, как пшеница и лесоматериалы.

Итальянцы играли ведущую роль не только в торговле, но и в банковском деле. В той сфере они сохраняли почти полную монополию; конкуренцию им в какой-то мере составляли лишь каталонцы. Несомненно, лучшим клиентом итальянских банкиров и торговых компаний была Католическая церковь. Поток денежных переводов Ватикана играл почти такую же важную роль, как товаропотоки; в зависимости от обстоятельств, деньги Святого престола либо способствовали восстановлению торгового баланса, либо, наоборот, нарушали его. Кредиты на местах предоставляли ростовщики и менялы, но международное банковское дело, то есть операции с переводными векселями, главным образом сосредоточилось в руках итальянских торговых банкиров.

Такая гегемония итальянцев во многом объясняется лучшей организацией делопроизводства. Более того, итальянцы заложили основы для большинства современных учреждений предпринимательского сектора. Они не только создали товарищество, но и разработали средства управления компаниями, имевшими филиалы в зарубежных странах. Помеху в виде больших расстояний они преодолевали с помощью дистанционного управления. Хотя первые акционерные общества возникли лишь в начале XVII в., Банк Медичи в определенном смысле можно считать прообразом холдинговой компании. Кроме того, итальянские купцы ввели двойную бухгалтерию (первые несомненные образцы которой относятся к 1340 г.), изобрели переводный вексель (тратту) и экспериментировали с морским страхованием. Хотя банкноты придумали не итальянцы, в банковской сфере именно они довели до совершенства искусство перевода денег со счета на счет на основании устных или письменных распоряжений. Поскольку средневековые банки действовали на основании системы частичного резервирования, они изобрели фидуциарные деньги («деньги общественного доверия»): переводимые депозиты не до конца покрывались кассовой наличностью или резервом из хранилища. Следует отметить еще один их важный вклад: итальянские купцы заложили основы торгового права. Вначале законы появлялись в виде уставов местных правовых норм, но позже были сведены, например, в знаменитый Торговый кодекс, официально введенный в действие Людовиком XIV. Статьи кодекса, принятые более или менее повсеместно, по-прежнему составляют основу нынешнего коммерческого или торгового права.

В XIV и XV вв. главными торговыми центрами в Италии считались Флоренция, Генуя и Венеция. Поскольку Генуя и Венеция были приморскими городами, их торговля была в первую очередь связана с морем. Эти города-государства торговали со странами Леванта, хотя

их корабли ходили и в Англию и Фландрию через Гибралтарский пролив. Флоренция, расположенная в глубине материка, в тот период играла ведущую роль в банковском деле. Кроме того, во Флоренции процветало производство шерстяных и шелковых тканей; ее купцы торговали специями и другими предметами роскоши. В 1406 г. Флоренция захватила Пизу и ее порт, Порто-Пизано, получив таким образом прямой выход к морю¹.

Отличительной чертой предпринимательской структуры Флоренции было существование разветвленных торговых и банковских компаний, которые управляли сетью зарубежных филиалов. Конечно, эти «компании» можно назвать скорее товариществами, чем корпорациями. Крупные учреждения такого типа, в основном сиенские, появились уже в первой четверти XIII в. Сиена, в настоящее время сонный тосканский городок, на протяжении 75 лет была главным банковским центром в Европе. С Сиеной конкурировала Пьяченца, еще один материковый город. Крупнейшая сиенская компания называлась *Gran Tavola Bonsignori* – буквально: «Большая меняльная лавка Бонсиньори». Компания обанкротилась в 1298 г. Считается, что после такого удара Сиена уже не оправилась. Ее место заняла Флоренция.

В 1300–1345 гг. самыми влиятельными во Флоренции считались компании Барди, Перуцци и Аччаюоли. Флорентийский летописец Джованни Виллани (1276–1348), который одно время был партнером в компании Перуцци, называл их «столпами христианской торговли», под чем он главным образом подразумевал торговлю со странами Средиземноморья. Все три компании обанкротились незадолго до «черной смерти», пандемии чумы (1348), которая, по разным оценкам, унесла до трети населения Европы. Возможно, крах объяснялся чрезмерным кредитованием и огромными ссудами, которые предоставлялись иностранным монархам, особенно королю Англии Эдуарду III (годы правления 1327–1377) и Роберту (1309–1343), королю Неаполя из Анжуйской династии. Такие ссуды представляли большую угрозу для платежеспособности средневековых компаний. Однако итальянские компании часто не в состоянии были поступать иначе. Не предоставляя ссуд, они не могли вести дела с королевскими дворами, главным рынком сбыта для предметов роскоши, которыми они торговали.

Оценивая размер средневековых компаний, следует вспомнить, что в 1336 г. банк Перуцци, второй по величине из «большой тройки», имел 15 филиалов, разбросанных по всей Западной Европе и странам Леванта, от Лондона до Кипра; в них служили около 90 клерков, которых также называли «факторами». В 1310 г. капитал банка Перуцци составлял почти 103 тыс. золотых флоринов, что составляет примерно 412 тыс. фунтов стерлингов (ф. ст.) при нынешнем курсе золота в 35 ф. ст. за унцию. Сумма была значительной, тем более что тогда покупательная способность денег была гораздо выше, чем в наши дни. По мнению Виллани, в 1343 г., когда компания Перуцци обанкротилась, Эдуард III Английский задолжал им «целое королевство». В штате заграничных филиалов банка Аччаюоли, самого маленького из трех, служили 43 фактора.

После банкротства трех крупнейших банкирских домов папа римский не мог найти банк, который предлагал бы ему те же условия для перевода церковных налогов или денежных ассигнований. Флорентийский банк Альберти, успешно переживший бурю, воспользовался устранением конкурентов; Альберти удалось получить права на ведение дел Святого престола. Однако вскоре из-за внутрисемейных распрей компания Альберти раскололась на несколько конкурирующих фирм и потому значительно ослабла. Более того, некоторые ведущие члены семьи попали в немилость у правящих во Флоренции олигархов. В результате в 1382–1434 гг. весь клан Альберти отправился в ссылку. Место Альберти заняли Медичи, Пацци, Ручеллаи и

¹ Хотя флорентийцы в 1406 г. получили Порто-Пизано, захватив Пизу, у них не было доступа к морю до 1421 г., когда они купили у генуэзцев порт-крепость Ливорно за огромную сумму в 100 тыс. «запечатанных» флоринов. Гавань Порто-Пизано заливалась; кроме того, оттуда можно было выйти в открытое море только через Ливорно.

Строцци. Хотя Медичи сумели затмить конкурентов, их банк никогда не достигал размера компаний Барди или Перуцци, гигантов XIV в.

Датой основания Банка Медичи можно считать 1397 г. Именно тогда Джованни ди Биччи де Медичи², который до того управлял банком в Риме, решил перенести штаб-квартиру во Флоренцию. Банк просуществовал почти сто лет, до 1494 г., когда Медичи изгнали из Флоренции, а все их имущество, инвестиции и недвижимость конфисковали и передали попечителям. На протяжении столетия Банк Медичи пережил период экспансии, окончившийся со смертью Козимо в 1464 г., и период спада, вначале медленного и постепенного, но ускорившегося после заговора Пацци (1478), который до основания потряс клан Медичи. Как мы увидим, падение было вызвано сочетанием плохого управления, опрометчивых политических решений, структурных недостатков и неблагоприятных условий для предпринимательской деятельности, возникших после 1470 г. из-за беспорядков в странах Леванта и транспортных проблем, затруднявших расчеты итальянского банка со странами Северной Европы.

К счастью, деловая документация Банка Медичи сохранилась в достаточном количестве; она позволяет получить довольно полное представление о внутреннем устройстве банка, ключевых проблемах управления и контроля, а также о принципах его политики, как удачных, так и не очень. Правда, до наших дней дошли далеко не все документы, а в существующих много пробелов. И все же архивы Банка Медичи более полны и последовательны, чем архивы других средневековых банков, если не считать архива Датини в Прато (Тоскана)³.

Одним из главных источников, откуда можно черпать сведения по истории Банка Медичи до 1451 г., стало собрание *libri segreti* (конфиденциальных, или внутренних, бухгалтерских книг), обнаруженных в 1950 г. в непомеченной описи. Всего этих бухгалтерских книг три; они последовательно охватывают более чем полувековой период, с 26 марта 1397 г., когда был учрежден Банк Медичи, до 24 марта 1451 г. Обычно такие конфиденциальные бухгалтерские книги хранились у одного из партнеров; бухгалтерам их не доверяли. В *libri segreti* вели счета партнеров, отмечали инвестиции и снятие денег, заносили сведения, касавшиеся производственной деятельности, капитала, размещенного в филиалах, и иногда помещали зарплатные ведомости служащих. Так как конфиденциальные бухгалтерские книги Медичи составлены по одной схеме, они предоставляют ценные сведения об общей структуре компании в целом и о прибыли, которую получали разные филиалы из года в год. Это главным образом статистические данные; какими бы ценными они ни были, *libri segreti* почти не содержат сведений о политике. Такой пробел восполнили бы деловые письма. К сожалению, за период до 1450 г. их сохранилось немного.

После 1450 г. ситуация меняется на противоположную: корреспонденция становится обширнее, зато бухгалтерских книг почти не сохранилось, если не считать нескольких довольно малозначащих фрагментов. В результате нет количественных данных, которые отображали бы в наглядных диаграммах тающие капиталы Банка Медичи. Однако в письмах трагедия раскрывается более красноречиво, пусть и не так точно. Судя по письмам, дела постоянно ухудшались. Один филиал за другим налетал на мель или с огромными трудностями удерживался на плаву. Банк нес огромные убытки из-за самоуправства управляющих филиалами, которых руководству не удавалось обуздать. Разногласия в методах ведения дел вели к

² По итальянской традиции Джованни ди Биччи де Медичи означает «Джованни, сын Биччи, из семьи Медичи». Козимо, сына Джованни, называли «Козимо ди Джованни ди Биччи» («Козимо, сын Джованни, сына Биччи»). Итальянская традиция будет соблюдаться на протяжении всей книги: так удобнее различать отдельных лиц и избегать путаницы между членами семьи, носившими одно и то же имя. Префикс «деи» или «де» используется, лишь когда ему предшествует имя. Когда говорят обо всей семье, итальянцы пользуются определенным артиклем без какого-либо префикса, «и Медичи», то есть «семья Медичи».

³ Архив Датини включает около 500 бухгалтерских книг и более 100 тыс. деловых писем, а также несколько сотен разрозненных документов. Для того чтобы всесторонне изучить эти материалы, не хватит целой жизни.

стычкам и взаимным обвинениям, которые ускорили падение, поскольку не давали применить действенные средства для исправления положения.

Помимо писем и бухгалтерских книг, до нас дошло довольно много партнерских соглашений, несколько бухгалтерских балансов и разрозненные документы: переводные векселя, протесты, депозитные сертификаты, конфиденциальные отчеты и меморандумы – и даже план реорганизации банка, который, впрочем, не успели воплотить в жизнь. Хотя и неполные, эти документы позволяют увидеть цельную картину, пусть даже отдельные ее фрагменты не слишком точны.

Зачем изучать историю Банка Медичи? Есть ряд причин, почему такой труд полезен.

Семья Медичи занимает видное место в истории благодаря своей выдающейся роли в итальянском Возрождении. Выходцы из этой семьи прославились как политические деятели, покровители литературы и искусства. Однако их деятельность в качестве банкиров и торговцев ранее не удостоивалась такого же пристального внимания. Да, именно экономическая власть позволила Медичи захватить власть политическую и снабдила их финансовыми средствами, позволившими давать заказы художникам, способствовать распространению гуманизма, собрать великолепную и уникальную библиотеку (библиотека Медичи Лауренциана существует и в наши дни) и тратить огромные суммы на монументальные сооружения, например, церковь Сан-Лоренцо, доминиканский монастырь Сан-Марко, аббатство Бадиа-ди-Фьезоле. Вопреки мнению многих историков и социологов, семья Медичи, начиная с Джованни ди Биччи, уже не принадлежала к среднему классу. Судя по налоговым декларациям, Медичи можно считать едва ли не самой богатой семьей во всей Флоренции. Можно сказать, что семья поднялась на верхнюю ступеньку социальной лестницы.

История Банка Медичи обогащает наши познания об истоках современного бизнеса. С точки зрения истории бизнеса в данной книге поднимается важный вопрос. Технологии меняются, но человеческие проблемы остаются прежними. Как найти подходящего человека и поместить его в нужное место? Эта проблема волновала Медичи – и она же волнует нас сегодня.

Благодаря прогрессу в сфере средств сообщения проблема контроля переместилась на другие аспекты, но не исчезла. Банк Медичи, особенно после 1464 г., страдал от отсутствия координации, и управляющие филиалами часто противоречили друг другу, потому что не в силах были понять и оценить чужие трудности. Как скоординировать работу разных филиалов или отделений? Этот важный вопрос по-прежнему занимает руководство и в бизнесе, и в правительстве. Как и во времена Медичи, рост убытков часто обостряет конфликты, которые затем встают на пути необходимых исправлений, помогающих приспособиться к новым условиям.

Хотя Банк Медичи по современным меркам можно считать крошечным, для своего времени он был крупнейшим учреждением. Тем не менее он не достиг размера компаний Барди или Перуцци, существовавших ранее. Возможно, это связано с тем, что условия не способствовали процветанию крупных концернов. Несмотря на то что до пандемии чумы экономика Европы в течение 200 лет характеризовалась почти непрерывным ростом, сейчас принято считать XV в. периодом застоя, если не регрессии. Конечно, и тогда падения сменялись взлетами, но спады случались чаще. Судя по данным из архивов Медичи, спад ускорился после 1470 г. и продолжался еще два или три десятилетия.

Несмотря на снижение объема торговли, организационные методы продолжали совершенствоваться – скорее всего, потому, что более острая конкуренция и падение размера прибыли поощряли рост продуктивности. Банк Медичи, судя по документам, конечно, пользовался лучшими из доступных ему средств. С этой точки зрения он был, возможно, нетипичным, но представляет своего рода вершину, достигнутую в эпоху Средних веков и Возрождения. Однако нет доказательств того, что Джованни ди Биччи и его сын Козимо добились такого успеха благодаря тому, что они были «предпринимателями-новаторами», которые

ввозили новые товары или внедрились новые способы делопроизводства. Наоборот, своим успехом они во многом обязаны эффективному применению уже существующих методов и испытанных средств. Например, то, что Медичи изобрели переводный вексель, – явно миф. Зато они творчески подошли к разработке структуры организации в виде холдинговой компании и сформировали картель по добыче квасцов.

С точки зрения экономической истории данный труд, пожалуй, можно считать микроэкономическим, поскольку в нем внимание сосредоточено на одной компании. Однако эту компанию следует рассматривать в соответствующем окружении. Например, Медичи, проводя операции на денежном рынке, вынуждены были, как и все остальные, соблюдать правила игры. Несмотря на то что держали квазимонополию по торговле квасцами, они не могли воспользоваться своим преимуществом в полной мере, потому что им противостояли организованные группы клиентов. В Милане их главным клиентом был двор Сфорцы. В Англии обстановка была совершенно иной, и Медичи главным образом закупали шерсть, которой им требовалось много. Необходимо было заполнить галеры перед возвращением во Флоренцию, чтобы дать работу флорентийским ткачам. Зачастую и экономические условия, и политические силы были неподконтрольны Медичи; они могли лишь держать паруса по ветру и использовать наилучшим образом сложившуюся ситуацию, например Войну Алой и Белой розы в Англии или кризис, вызванный заговором Пацци. В письмах Медичи довольно часто можно увидеть призыв «Господи, помоги» – особенно в том случае, если политические события или экономические перспективы принимали неожиданный или неблагоприятный оборот.

Как покажет данный труд, Медичи достигли в высшей степени развитой и капиталистической формы организации, если под «капиталистическим» понимать то, что их целью было получение прибыли и что окончательный контроль принадлежал владельцам капитала, вложенного в бизнес. Однако на практике главные или стратегические решения, например учреждение нового филиала или продление партнерского соглашения, всегда принимались после консультации с главным управляющим. Он обладал большой властью, хотя часто имел лишь миноритарную долю в капитале и прибылях. Ему обычно делегировались административные или оперативные решения; кроме того, ему не нужно было советоваться с партнерами из семьи Медичи в кадровых вопросах и в вопросах повседневной деятельности. Одной из задач главного управляющего был надзор за деятельностью глав филиалов, с целью не допустить принятия ими необоснованных обязательств или сомнительных инвестиций. Нелегкая задача! Из-за неразвитости средств сообщения и больших расстояний управляющие филиалами пользовались довольно большой степенью автономии; возможно, слабость Банка Медичи вызвана именно большими потерями времени. Козимо управлял руководителями филиалов железной рукой, но его преемники ослабили хватку – с катастрофическими последствиями для банка.

Несомненно, такие люди, как Джованни ди Биччи и Козимо ди Джованни, были наделены капиталистическим духом стяжательства и стремились к накоплению большого богатства. В самом деле, им удалось скопить огромное состояние, которое впоследствии было по большей части вложено в земельную собственность. Представители семьи приобрели обширные владения в Муджелло и окрестные фермы, особенно в окрестностях Прато и Синьи, где Лоренцо Великолепный построил виллу Поджо-а-Каяно. Разумеется, Медичи не устраивала скромная жизнь, которая соответствовала их рангу простых граждан города-государства. Их социальные притязания росли с каждым последующим поколением. Скоро они возжелали роскоши, хотя даже Лоренцо Великолепный по-прежнему предпочитал республиканскую простоту в одежде. Возможно, возвышение семьи лучше всего иллюстрируют брачные союзы: сначала Медичи стремились породниться с видными флорентийскими семьями, затем с представителями высшей знати и, наконец, с европейскими монаршими домами.

Результаты данного исследования опровергают теорию Макса Вебера, в соответствии с которой капиталистический дух является продуктом кальвинистской Реформации. Медичи

жили на несколько десятилетий раньше Реформации, но отрицать, что они были капиталистами, занятыми погоней за наживой, значит совсем не отдавать им должное.

Разумеется, «капитализм» в эпоху Медичи означал коммерческий капитализм. Как показывают сохранившиеся балансы, активы Банка Медичи составляли главным образом либо участки земли под застройку, либо товарные запасы. В оборудование вкладывалось очень мало. То же самое можно сказать и о промышленных предприятиях, которыми управляли Медичи, поскольку в производственном процессе применялись лишь самые простые орудия труда, по большей части принадлежавшие самим рабочим. Наниматели поставляли лишь материалы, с которыми те работали. Понятие амортизации было известно, и в балансах иногда присутствуют соответствующие позиции, но следует подчеркнуть, что подобные статьи расхода составляли лишь ничтожную долю производственных издержек. Промышленный капитализм появился после того, как промышленная революция привела к росту инвестиций в машинное оборудование и отсюда – к большим амортизационным расходам. В Средние века, возможно за исключением горного дела и судоходства, инвестиции в основные фонды были маленькими.

Индустриализм – явление сравнительно недавнее; оно возникло не в эпоху Медичи. При них большой бизнес – по меркам того времени – по-прежнему сводился к торговле и банковскому делу. Хотя Медичи и предпочитали банковское дело торговле, они все же сочетали два вида деятельности, что было вполне типично. Судя по всему, объем международной торговли был не таким большим, чтобы оправдать специализацию в какой-то одной отрасли. Кроме того, высокие риски и нестабильность еще больше побуждали к диверсификации. Как написал в своем труде «Бизнес и капитализм: Введение в историю бизнеса» профессор Н.С.Б. Грас, «поскребите любого раннего банкира, и вы найдете купца». Специализация зависела от региона. Медичи, в отличие от Барди и Перуцци, никогда не вели дел со странами Леванта; их деятельность сводилась к странам Западной Европы, за исключением Испании и Португалии. Они делали робкие попытки проникнуть на Балтику, окончившиеся неудачей. На Балтике правил Ганзейский союз, который не терпел вторжения на свою территорию. Владения итальянских торговых банкиров не простирались восточнее Рейна. Зато к западу от Рейна они правили монопольно. Хотя конкуренция между флорентийцами, генуэзцами и венецианцами была достаточно острой, чтобы не дать указанной области превратиться в колониальную территорию, итальянская гегемония тем не менее обладала благотворным действием, сплавив сферу влияния в подобие общего рынка.

Глава 2

Банк Медичи и его организационные предпосылки

Прежде чем перейти к сути, предлагаю рассмотреть четыре темы общего характера, которые красной нитью проходят через всю книгу.

Первый вопрос, который предлагается к рассмотрению, сводится к следующему. Церковь строжайше запрещала давать деньги в рост. Как же Медичи и другим банкирам удавалось ссужать деньги с прибылью, не подвергаясь обвинениям в ростовщичестве? Конечно, чтобы ответить на этот вопрос, придется рассмотреть всю систему взаимоотношений церкви и мира предпринимателей во времена Медичи. Попытаемся понять, в самом ли деле церковная доктрина ростовщичества влияла на деловую практику, и если да, то как и до каких пределов.

Следующий вопрос связан с местом Банка Медичи во флорентийской цеховой системе. Будучи банкирами, Медичи входили в корпорацию менял (*Arte del Cambio*). Как станет ясно впоследствии, регуляторная власть корпорации была довольно ограниченной и не имела большого веса в повседневной коммерческой деятельности.

Еще одна тема, которая заслуживает рассмотрения, связана с флорентийским прямым налогом катасто, который взимался на основании декларации о доходах того или иного лица. Процедура заполнения декларации и уплаты налога очень напоминает ту, что существует в наши дни в связи с подоходным налогом в США, Великобритании и других странах. В архивах Флоренции до наших дней сохранились многие тысячи деклараций со сведениями об имуществе и доходах физических лиц. В данной книге часто приводятся налоговые декларации – не только членов семьи Медичи, но и их знакомых. Такие декларации поучительны во многих отношениях, как с точки зрения генеалогических и биографических подробностей, так и с точки зрения количественных или экономических данных. Поэтому автор счел своим долгом познакомить читателей с этим важным источником информации и кое-что рассказать о налоге катасто и о флорентийском государственном долге.

Четвертая тема, которая нуждается в пояснении, – это деньги. Наша цель – не написать трактат о средневековых деньгах, но дать читателям некий ориентир в средневековых валютных системах в связи с различными денежными единицами и символами, которые встречаются в документах Медичи и которые будут использоваться в последующих главах.

Если у читателя мало времени или ему не терпится поскорее окунуться в главную тему книги, он может пока пропустить эту главу и отложить ее чтение до тех пор, пока не столкнется с трудностями. Однако предпочтительно систематическое прочтение; автор приложил усилия к тому, чтобы сократить такой фоновый материал к минимуму по сравнению с регулярным представлением каждой темы.

Церковная доктрина ростовщичества и деловая практика

Невозможно разобраться в проблемах средневекового банковского дела, не учитывая отношения церкви к ростовщичеству. Поскольку банкиры в этом отношении старались по возможности соответствовать религиозным предписаниям, им приходилось действовать, не навлекая на себя порицаний богословов. В результате банковское дело в Средние века – а в континентальной Европе вплоть до XVIII в. – довольно сильно отличалось от современного. Ошибочно полагать, что запретом давать деньги в рост пренебрегали и он не оказывал никакого влияния на банковскую деятельность. Наоборот, как показывают доступные свидетельства, церковный запрет ростовщичества оказывал на тогдашнюю жизнь огромное влияние. Во-первых, средневековое банковское дело во многом строилось на возможности обойти запрет, причем не нарушая законов. Во-вторых, запрет регулировал деятельность банков. И в-третьих, церковь, осуждая ростовщичество, одни операции признавала вполне законными, а другие клеймила, что оказывало влияние на деловую этику и общественное мнение.

Средневековые банкиры, такие как Медичи, несомненно, понимали, что некоторые их операции находятся на грани законности. Однако они наверняка пылко возражали бы против того, чтобы их называли ростовщиками; более того, общество не относилось к ним как к ростовщикам. Даже самые строгие богословы оставляли лазейки для неоднозначных толкований; но с мнением ученых-схоластов не обязательно соглашались практики, не вдававшиеся в тонкости казуистики.

Для того чтобы до конца понять позицию схоластов, лучше всего применить тот же метод анализа, который использовали они сами. Что такое ростовщичество? Каноническое право называло ростовщичеством любой процентный доход, большой или малый, который требуют сверх основной суммы единственно в силу *mutuum*, юридического термина, означавшего взаимобразную передачу товаров. *Quidquid sorti accedit, usura est* (все, что превышает основную сумму, есть ростовщичество). В этом определении важно каждое слово. Поэтому ростовщичество в Средние века относилось не только к заоблачным процентным ставкам, но распространялось на *любой* процент, высокий или низкий, избыточный или умеренный. По определению, займом назывался безвозмездный договор. Если он таковым не являлся, он в силу очевидности превращался в договор ростовщический. Иными словами, ростовщичество имело место только при прямом (явном, неприкрытом) займе или при займе, скрывавшемся под видом другого договора (скрытого ростовщичества)⁴. Если можно было доказать, что тот или иной договор не является ни прямым, ни скрытым займом, его ростовщичеством не считали. За саму ссуду нельзя было требовать никакого вознаграждения, но законом дозволялось требовать *damnum et interesse*, или возмещение ущерба и проценты, не связанные собственно с займом, – в том случае, если заемщик, например, отказывался вернуть занятые деньги в срок. Так возникло понятие «внешних обстоятельств», которое, из-за многочисленных лазеек, вызывало бесконечные споры схоластов.

Нет смысла подробно рассматривать все аспекты проблемы ростовщичества: утомительное исследование потребует многого труда. Более того, итальянские – и в меньшей степени испанские – купцы-предприниматели не вдавались в тонкости, из-за которых ожесточенно спорили схоласты. В миру получило распространение другое, упрощенное и во многом искаженное понятие о ростовщичестве. Ростовщичество подразумевало некую прибыль, извлеченную посредством займа, особенно обеспеченного залогом. С другой стороны, считалось вполне законным получать компенсацию в том случае, если кредитная операция была спекулятивной или подразумевала любой риск или принуждение. Справедливо или нет, но в ком-

⁴ Поэтому такой договор осуждался за «обманное получение процентов».

мерческих предприятиях получение процентов не осуждалось, так как они считались «даром» или партнерской долей в прибылях⁵. Имелись и другие способы обойти запрет на ростовщичество; следует отметить, что они поощрялись софизмами ученых мужей. Рассматривая проблему с точки зрения законности, последние, сами того не подозревая, давали купцам возможность обойти большинство формальностей.

Церковная доктрина ростовщичества не помешала росту банков, но недавние исследования показывают, что запрет, конечно, изменил ход их развития. Поскольку взимание процентов запрещалось, банкирам пришлось придумывать другие способы предоставлять ссуды с прибылью. Любимым способом оставался обмен векселями (*cambium per litteras*). Такой способ заключался не в дисконтировании векселей, как в наши дни, а в учете векселей, подлежащих оплате в другом месте и обычно в другой валюте. Разумеется, проценты включались в цену бумаги, которая весьма кстати называлась «переводным векселем». Хотя присутствие скрытых процентов бесспорно, коммерсанты уверяли – а многие богословы с ними соглашались, – что такая обменная операция не заем (*cambium non est mutuum*), а либо обмен деньгами (*permutatio*), либо покупка и продажа иностранной валюты (*emptio venditio*). Иными словами, обменные операции обычно служили для оправдания кредитной операции, а спекулятивные прибыли на обмене служили прикрытием для взимания ссудных процентов. Тем не менее считалось, что обмен – не ростовщичество, так как в отсутствие займа ростовщичество быть не может.

Практическим следствием такого подхода стала привязка банков к обменным операциям. Деньги менялись напрямую, из рук в руки, или посредством векселей. Следует напомнить, что банкирская корпорация Флоренции называлась *Arte del Cambio*, или корпорацией менял. В бухгалтерских книгах итальянских торговых банкиров, в том числе в книгах Медичи, очень редко можно найти следы учета векселей, зато многие тысячи записей связаны с обменными операциями. Невозможно найти записи по доходу от процентов, зато имеется статья, озаглавленная *Pro e danno di cambio* (прибыли и убытки от обмена). Если бы этот вопрос не играл такой важной роли в средневековом банковском деле, не было бы смысла в многочисленных дискуссиях, которые вели авторы богословских трактатов о законности или незаконности обмена. В XV в. эта тема удостоилась пристального рассмотрения в трудах мессера Лоренцо Ридольфи (1360–1442), Бернардино Сиенского (1380–1444) и Антонина Пьероци, архиепископа Флоренции, причисленного к лику святых. Все они были современниками Джованни ди Биччи и Козимо де Медичи. Позже вопрос весьма компетентно обсуждался фра Санти (Пандольфо Ручеллаи) (1437–1497)⁶, который стал монахом-доминиканцем в пожилом возрасте, после того как овдовел. Так как он был сыном банкира и сам ранее занимался банковской деятельностью, можно предположить, что он хорошо понимал, как работают банки. Поэтому особенно важен его интерес к обменным операциям. Главы, посвященные данному вопросу, можно найти и в коммерческих пособиях, например в любопытном трактате Бенедетто Котрульи, написанном в 1458 г., но опубликованном лишь в 1573 г. Учитывая подобные дискуссии, не приходится сомневаться, что позиция церкви по отношению к ростовщичеству имела реальное влияние на положение дел.

Неверно, что банкиры откровенно пренебрегали учением церкви. Конечно, они не всегда вели себя последовательно и часто нарушали запрет ростовщичества в частных сделках. Однако отсюда не следует, что многие тогдашние коммерсанты подвергали сомнению данный запрет, возведенный церковью в догму⁷. Более того, многих банкиров мучила совесть из-за

⁵ По уставу корпорации суконщиков (1332) полученные проценты надлежало вносить в бухгалтерские книги как дар.

⁶ Фра Санти Ручеллаи был братом Бернардо Ручеллаи, женившегося на Наннине де Медичи, сестре Лоренцо Великолепного.

⁷ Отрицание того, что ростовщичество – грех, считалось ересью.

совершенных ими нечестивых сделок. Многочисленные доказательства можно найти в средневековых завещаниях, когда завещатель распоряжался возвратить все несправедливо нажитые деньги. Правда, после 1350 г. подобные распоряжения делались все реже. Конечно, торговые банкиры по-прежнему завещали часть своего состояния церкви за спасение их душ, и им совсем не хотелось, чтобы из-за условий завещания их клеймили презренными ростовщиками.

Более того, они утверждали, скорее всего убежденно, что вовсе и не давали деньги в рост, а совершали абсолютно законные операции. По мере возможности все банки действительно остерегались незаконных контрактов. Даже безжалостный и скупой банкир из Прато, Франческо ди Марко Датини (1335–1410), хвастал в письмах жене, что он никогда не получал незаконных барышей. Узнав, что управляющий филиалом его банка в Барселоне принимал участие в сомнительных обменных операциях, разгневанный хозяин устроил ему разнос и вынудил отказаться от операции. Такое же отношение заметно и в письмах сэра Лапо Маццей (1350–1412), советника и нотариуса Датини. Как правило, в партнерских соглашениях, составленных Медичи, запрет на незаконный обмен оговаривался особо. Правда, судя по бухгалтерским книгам и другим документам, запрет выполнялся далеко не всегда. Вполне понятен поступок самого Козимо де Медичи: мучимый совестью из-за несправедливо нажитого богатства, он получил папскую буллу, по которой, в искупление собственной алчности, он должен был сделать богатый дар флорентийскому монастырю Сан-Марко⁸.

Подобное отношение прослеживается и в XVI в., и позже. В 1517 и 1532 гг. несколько испанских купцов, проживавших в Антверпене, решили спросить совета у ученых-богословов о законности тех или иных сделок. Испанец Симон Руис (1526–1597), один из ведущих банкиров в Медине-дель-Кампо, отказался принимать участие в каких-либо сомнительных операциях. В годы правления Людовика XIV торговец мануфактурными товарами Жак Савари (1622–1690), автор коммерческого пособия «Совершенный предприниматель», строго запрещал своим читателям включать проценты в нарицательную цену векселя или банковского билета; такие действия Савари считал ростовщицеством. Зато, по его мнению, вполне допустимо было играть на разнице обменных курсов.

Зачем коммерсантам было прибегать к сложной и довольно утомительной процедуре, если бы не запрет ростовщицества? Ведь им были доступны и более простые способы. Так, гораздо легче учитывать долговые расписки, чем работать с переводными векселями, подлежащими оплате за границей в иностранной валюте. Прежде всего, такая процедура осложняет бухгалтерию. Далее, она требует, чтобы банки вели дела с сетью корреспондентов в других местах. Еще один недостаток заключается в том, что займодавцы, как и заемщики, вынуждены спекулировать и идти на риск в силу неустойчивости валютных курсов. Более того, покупатель векселя рискует понести убытки не только из-за неплатежеспособности должника, но и из-за краха банка-корреспондента, в который отправляется денежный перевод. Возможно, именно поэтому крупные банки предпочитали вести дела с собственными отделениями. Что же касается заемщиков, если у них не было средств, способных гарантировать кредит в другом месте, им приходилось искать человека, который соглашался принять их тратты и оплатить их в срок. Векселедержателю, или трассату, затем приходилось возмещать свои издержки на свой страх и риск. Таким образом, использование переводного векселя увеличивало и помехи, и расходы, так что, вместо защиты заемщика, запрет на ростовщицество в итоге вылился в увеличение ссудного процента. Таким образом, церковные законы, запрещавшие ростовщицество, задерживали экономический рост.

⁸ В вопросе ростовщицества эту буллу можно считать антиканонической, потому что по церковному праву виновник должен был возместить ущерб лицу, пострадавшему от его действий, а не организации. Даже сам папа не имел права отпускать грехи на таких условиях.

Как указывал профессор Э.П. Ашер, переводный вексель или «платежное извещение», придуманное итальянскими негодьями в XIV в., «было совершенно новым инструментом». Широта его использования, несомненно, вызывалась запретом ростовщичества. С точки зрения торгового права, действие такого запрета можно считать благом: распространение переводного векселя привело к возникновению торговых таможен и сводов законов, которые в конечном счете нашли свое выражение в общем принятии принципа обращаемости. Кроме того, не следует недооценивать юридические и экономические последствия терпимого отношения средневековых моралистов к обменным операциям. Хотя подобное отношение вело к многочисленным противоречиям, оно внесло большой вклад в подрыв всей их позиции в целом.

Банкирам, которые вели обменные операции, пользуясь всевозможными лазейками в законах, удавалось обходить запрет на ростовщичество. Важным результатом стало то, что банкиров не клеймили ростовщиками. Наоборот, они считались почтенными гражданами и часто играли ведущую роль в своих сообществах. Великие итальянские банкиры гордились тем, что их называют «менялами папы». Их сыновья, если они вступали в монашеские ордена, быстро получали продвижение и становились папами, кардиналами или епископами. Семья Медичи служит тому примером, хотя Медичи были далеко не единственными. Принятое в обществе отвращение к ростовщичеству не распространялось на торговых банкиров. Зато оно всей тяжестью обрушивалось на мелких ссудодателей и закладчиков. Во Флоренции, как и в других местах, их клеймили откровенными ростовщиками, и все почтенные граждане подвергали их остракизму. В соответствии с церковным правом несчастных отлучали от церкви, им отказывали в церковных таинствах и христианском погребении; они даже не имели права составить завещания – оно не имело юридической силы.

Как ни парадоксально, такая ужасная судьба не коснулась крупных банкиров вроде Медичи, потому что они притворялись, будто не занимаются выдачей ссуд, но ограничивают свою деятельность операциями, дозволенными законом. В самом деле, по церковным законам их позиция была оправданной, поскольку официальным ростовщичеством признавалось лишь предоставление займов.

Корпорация менял и Банк Медичи

В XV в. во Флоренции существовали три различных типа кредитных организаций, и все они по-итальянски назывались банками: 1) *banchi di pegno* или *banchi a pannello* (ссудные лавки, ломбарды); 2) *banchi a minuto* (небольшие банки) и 3) *banchi grossi* (крупные банки). Чтобы избежать путаницы, желательно установить четкие различия между тремя этими категориями.

Первую группу на самом деле не причисляли к банкам; над входом в ссудные лавки, управляемые «лицензированными» ростовщиками, вывешивали красные полотнища. Там ссужали деньги под залог личной собственности и специализировались на том, что сегодня называется «микрокредитованием». Подобно домам разврата, ссудные лавки считались меньшим из двух зол. В соответствии с церковным правом владельцы таких лавок считались явными ростовщиками. В принципе властям не полагалось выдавать лицензии таким грешникам. На практике флорентийским отцам города удавалось обойти закон. Ростовщики платили 2 тыс. флоринов штрафа за «отвратительный грех ростовщичества». Однако, выплатив эту сумму раз в год, они «освобождались от всякого дальнейшего порицания, штрафа или взыскания». На деле этот так называемый штраф являлся лицензионным платежом, а истинной целью лицензирования стало допущение ростовщичества, а не его запрет.

В XIV в. флорентийские ростовщики по большей части были христианами, но похоже, что начиная с 1437 г. лицензии выдавались только евреям. Владельцам ссудных лавок как откровенным ростовщикам, независимо от того, были они христианами или евреями, строго запрещалось вступать в какие-либо цеховые организации. Особенно им воспрещался доступ в корпорацию менял.

Медичи время от времени также выдавали займы под залог. Так, Джованни ди Биччи держал в качестве залога богато украшенную драгоценными камнями митру, принадлежавшую папе Иоанну XXIII (Бальдассаре Косса), которую позже истребовал преемник последнего, папа Мартин V⁹. Но Банк Медичи не был ссудной лавкой: хотя Медичи предоставляли займы правителям под залог драгоценностей из королевской казны и других предметов, обладавших большой ценностью, они никогда не выдавали небольшие суммы беднякам, которые закладывали одежду или орудия труда.

Кстати, нет никакой связи, пусть и отдаленной, между тремя золотыми шарами, символом ссудных лавок в англосаксонских странах, и красными кружками на гербе Медичи. Вероятно, семья Медичи использовала эти гербовые фигуры задолго до того, как их стали связывать с банковским делом. Правда, кружки на щите (безанты) в геральдике символизируют деньги. На гербе флорентийской корпорации менял также присутствуют безанты. Если ростовщики использовали три золотых шара, то лишь потому, что безанты традиционно символизируют деньги в искусстве и геральдике.

Так как деятельность ссудных лавок регулировалась напрямую синьорией (правительством Флоренции), они оставались вне власти корпораций, а под юрисдикцию корпорации менял попадали лишь две категории банков: мелкие банки и крупные банки. Банкиров во Флоренции огульно называли банкирами или тавольерами, потому что они вели дела, сидя за лавкой (*banco*) или за столом (*tavola*). Такую терминологию использовали еще в Древней Греции, где банкиров называли словом *trapeziti*, образованным от слова «трапеза», то есть «стол».

Мелких банков было мало, и они не играли существенной роли. Сведений об их деятельности почти не сохранилось. Франческо ди Джулиано де Медичи (1450–1528), дальний родственник флорентийских правителей, в 1476–1491 гг. был связан с двумя разными банками,

⁹ Вызволнение митры из залога не обошлось без разногласий. Мартину V даже пришлось пригрозить Джованни ди Биччи отлучением от церкви, если он откажется повиноваться и не вернет залог.

подходящими под категорию «мелких». Судя по сохранившимся бухгалтерским книгам, деятельность мелкого банка главным образом состояла в продаже украшений в рассрочку. Предоставлялись также займы под залог украшений. Кроме того, такие банки занимались обменом денег и торговлей слитками. Принимались временные депозиты под 9 и 10 %, но в книгах нет записей, связанных с депозитами, «подлежащими оплате по предъявлению». Следовательно, нельзя считать мелкий банк депозитарным.

В архиве Торговой палаты, *Libro delle Accomandite*, содержится больше ссылок на мелкие банки; в архиве сохранились все пассивные товарищества с ограниченной ответственностью. Так, в 1471 г. Андреа ди Лоттеринго Делла Стуфа вложил 500 флоринов в качестве пассивного партнера в компании под управлением Пьерджованни д'Андреа Мазини. Целью такого товарищества называлась предпринимательская деятельность во Флоренции в качестве мелкого банка. В партнерском соглашении особо оговаривалось, что руководящий партнер не имеет права заниматься обменом (*cambiare in grosso*), с векселями или без них. Поэтому ясно, что мелкие банки были чисто местными банками, а сфера их деятельности граничила с торговлей драгоценностями. Однако во Флоренции ювелиры принадлежали не к корпорации менял, а к корпорации, носившей имя Врат Святой Марии. В нее входили златокузнецы и кузнецы по серебру, торговцы шелками, оптовые торговцы сукнами и одеждой, портные, торговцы трикотажными изделиями, изготовители дублетов и вышивальщики.

Банк Медичи, конечно, относился не к мелким, а к крупным банкам, в которых обычные обменные операции и прием местных депозитарных вкладов сочетались с операциями с векселями и иностранными операциями¹⁰. Как доказывает само название корпорации (*Arte del Cambio*), банковское дело, связанное с местными или зарубежными операциями, по-прежнему было тесно связано с обменом, либо денег, местным по натуре, или обменом векселями, что непременно подразумевало связи с другими банковскими центрами.

Около 1338 г., по сведениям из знаменитой хроники Джованни Виллани, во Флоренции существовало 80 «меняльных лавок» или банков. В 1350 г., через два года после эпидемии «черной смерти», число компаний снизилось до 57; в них состояло 120 партнеров. К 1356 г. их количество немного возросло (до 61). В 1399 г., судя по цеховому архиву, *Libro di compagnie*, в городе насчитывали 71 банкирский дом. В 1460 г. эта цифра упала до 33. Спустя двенадцать лет, в 1472 г., общее число банков оставалось тем же, по мнению летописца Бенедетто Деи (1418–1492). Эту цифру можно считать точной, поскольку она согласуется с цеховыми документами. Затем последовал резкий спад. К 1490 г. в правлении корпорации не хватало членов, и записи перестали вести аккуратно. Джованни Камби, еще один хроникер, заявляет, что в 1516 г. оставались всего 8 «столов» (*tavole*), но добавляет, что один из них, Банк да Панцано, обанкротился 29 декабря 1520 г. Иными словами, банковская система Флоренции потерпела крах, затронувший и Банк Медичи.

Резкое падение числа банков в XV в. произошло, по мнению автора, не благодаря большей концентрации, но из-за постепенного, а после 1470 г. стремительного падения деловой активности. Это явление никоим образом не сводилось к одной Флоренции. И в Брюгге, и в Венеции частные расчетные банки поразил крупный кризис, который пришелся на последние годы столетия. Только в Испании по какой-то необъяснимой причине такие банки выжили. Причины кризиса остаются загадкой, но депозитное банковское дело было почти уничтожено и возродилось лишь около 1575 г. с созданием государственных банков в Палермо, Неаполе, Венеции, Генуе и других торговых центрах.

Каковы были функции корпорации? Главным образом регулирующие, причем они ограничивались местными банковскими операциями. Зарубежные банковские операции нахо-

¹⁰ В отличие от менял в Брюгге банкиры во Флоренции не были строго разделены на менял и торговых банкиров. Однако в обоих городах ростовщики держались особняком.

дились вне юрисдикции корпорации и, по сути, регулировались исключительно торговым обычаем. Членство в корпорации менял было обязательным для всех, кто держал банк во Флоренции или был партнером в таком банке. В соответствии с уставом корпорации глава каждой компании должен был задекларировать имена всех партнеров или сыновей, которые помогали ему вести дела в банке. Правда, такое требование не распространялось на партнеров, которые управляли филиалами банка за пределами Флоренции. Точность таких сведений подтверждается анализом списка зачисления в корпорацию. Так, в 1470 г. в списке упоминается банк «Пьерфранческо и Джулиано де Медичи и К^о.» с перечислением партнеров: Лоренцо де Медичи, Лодовико Мази, Франческо Нори и Франческо Ингирами. В списке не упомянут Франческо Сассетти, который, хотя и был главным управляющим Банком Медичи в целом, не являлся партнером флорентийского банка. Не включен в список и Джованни Торнабуони, стоявший во главе римского филиала, и другие управляющие филиалами Банка Медичи. Свидетельство столь исчерпывающее, что развивать данное положение далее нет необходимости.

В цеховых уставах флорентийские банкиры изображались людьми, которые вели по преимуществу сидячий образ жизни и занимались делами за столом, накрытым зеленым сукном. Перед ними лежала бухгалтерская книга, а в пределах досягаемости находился мешок с деньгами (*sedentes ad tabulam cum tasca, libro et tappeto*). Судя по всему, банкиры всегда могли поменять деньги или выписать переводный вексель. Корпорация менял занималась регулированием преимущественно двух этих функций.

Из-за запутанности флорентийской денежной системы важной задачей флорентийских банкиров и одним из главных источников их дохода оставался обмен денег, то есть мелкий обмен. Они назначали комиссию не только за обмен иностранных монет на местную валюту, но и за обмен золотых флоринов на серебряные пенни, которые находились в обращении во Флоренции. Кроме того, банкиры торговали слитками и, судя по всему, были главными поставщиками монетного двора.

Власти использовали корпорацию как орудие принуждения, и потому неудивительно, что несколько рубрик в уставе посвящены денежным делам. На всех банкиров, виновных в снижении содержания металла или стирании монет, находящихся в обращении, накладывали большой штраф, исключали из корпорации и клеймили фальшивомонетчиками. Помимо того, штрафом облагали любого менялу, который выпускал или перевыпускал монеты, подделывал их и снижал содержание в них металла. Исключение составляли случаи, когда монеты покупали на вес и резали пополам – таким образом их изымали из обращения. Та же судьба постигала любого, кто складывал «легкие» флорины в запечатанные мешки и выпускал их в обращение. Так как подобные санкции оказались несущественными, по закону 1313 г. консулы наделялись правом по своему усмотрению наказывать любого члена корпорации, который приобретал нелегальные деньги, не разрезая их. Сходные предписания можно найти в государственных указах по всей средневековой Европе. Возможно, подобные указы, нацеленные на сохранение валютного стандарта, во Флоренции имели не больше силы, чем в других городах-государствах.

В области банковского дела цеховые уставы не выходили за рамки профессиональных стандартов и защиты вкладчиков от мошенничества. Конечно, неплатежеспособные или обанкротившиеся банкиры исключались из корпорации до тех пор, пока их кредиторы не получали свои деньги сполна.

Тогдашняя коммерческая деятельность отличалась от современной: трансферты и изъятие наличных денег проводились банком чаще на основании устных приказов, чем чеков (*polizze*). Не случайно менял или банкиров чаще изображают сидящими за столом; перед ними лежат бухгалтерские книги, и они выслушивают устные распоряжения клиентов. Так как записи в журнале менялы или банкира были единственными свидетельствами в остальном устных действий, вполне естественно, что корпорации грозили крупными штрафами, исключением и другими карами тем, кого признают виновным в намеренном уничтожении своей

документации, стирании тех или иных записей или подделке сведений, содержащихся в бухгалтерской книге. Чтобы предотвратить обман, в добавочных колонках запрещалось пользоваться арабскими цифрами. Суммы надлежало писать римскими цифрами. Хранение документов было сопряжено с особыми требованиями. Ответственность за хранение бухгалтерских книг меняльных лавок, которые прекратили свое существование или обанкротились, возлагалась на корпорации. Руководство корпорации с этой целью держало большой сундук, запиравшийся на три замка: его открывали лишь в присутствии трех руководителей корпорации, каждому из которых вручали по одному ключу. Банкир или меняла подвергался исключению и бойкоту, если отказывался выплатить любую сумму, по праву требуемую вкладчиком. В случае судебного разбирательства меняла обязан был представить руководству корпорации свои бухгалтерские книги и копии документов.

Профессор Ашер первым заметил, что одной из характерных черт средневекового банковского дела можно считать явное предпочтение, отдаваемое устным поручениям о переводе денег перед письменными договорами, которые позже стали называть чеками. В Барселоне правила муниципального банка (*taula*) запрещали использование банковского чека (*polissa*) еще в 1567 г., хотя вскоре после того правило слегка ослабили. В Венеции, консервативном деловом центре, данное правило действовало в полную силу еще в XVIII в., и счетоводам переводных банков (*Banco del Giro*) не позволялось проводить переводы, если приказ не был «продиктован» самим вкладчиком или его законным представителем. В Пизе недавно обнаружены несколько чеков от 1374 г. Еще несколько чеков, относящихся к более позднему времени (1399–1400), сохранились в архиве Датини в Прато. Профессор Федерико Мелис, который внимательно изучил эти документы, справедливо считает, что большинство из них – подлинные банковские чеки, выписанные банкиру его клиентом в интересах третьей стороны. Следовательно, ясно, что к 1400 г. в Тоскане применялись банковские чеки, но по-прежнему непонятно, до какой степени они заменили устные распоряжения о переводе, которые делались банкиру, сидевшему за столом или за прилавком.

Один юридический вопрос нуждается в дополнительном разъяснении. По мнению представителей правовой школы постглоссаторов, письменное или устное распоряжение о платеже переводом в банк считалось окончательным и, если оно принималось кредитором, полностью освобождало должника от обязательств. Однако это правило не касалось распоряжений самого банка, и должник сохранял свои обязательства до тех пор, пока кредитор не был полностью удовлетворен¹¹.

Возможно, во Флоренции было слишком много банков для того, чтобы допустить организацию работоспособной системы клиринговых расчетов, как в Венеции или в Брюгге. Дабы исправить ситуацию, около 1432 г. некий Андреа ди Франческо Арнольди предложил создать государственный расчетный банк и сделать выплаты в банк обязательными при всех коммерческих операциях. Кроме того, его замысел включал монетизацию государственного долга, что повлекло бы за собой высокую инфляцию. К счастью, проект не был принят.

Во Флоренции банки концентрировались возле Нового рынка (*Mercato Nuovo*), Старого рынка (*Mercato Vecchio*), в окрестностях Ор Сан-Микеле, красивой часовни корпорации, и квартала Ольтарно на левом берегу реки Арно. Судя по всем налоговым декларациям 1427–1480 гг., банк Медичи (*Tavola*) располагался возле Нового рынка, во дворце Кавальканти на углу нынешней виа Порта-Росса и виа дель Арте Делла Лана, которая раньше называлась *sdrucchiolo dei Cavalcanti* или *d'Or San Michele*. И банк, и две соседние меняльные лавки на первом этаже дворца Кавальканти принадлежали на треть Лоренцо ди Джованни де Медичи, брату Козимо, который приобрел их в счет части приданого жены, Джиневры ди Джованни

¹¹ Переуступка права требования или замена кредитора – вид платежа, по которому кредитор получает деньги своего должника с третьей стороны.

Кавальканти. Лоренцо платил за аренду в счет своей трети до 10 флоринов, что соответствовало общей сумме в 30 флоринов в год. Такую аренду можно считать высокой, но в деловом центре Флоренции помещения дешево не сдавались. Банк во дворце Кавальканти упоминается также в решении 1451 г., когда по суду делили общие владения Козимо и его племянника, Пьерфранческо ди Лоренцо. Наверное, стоит отметить, что головное отделение Банка Медичи размещалось в их дворце на виа Ларга, а флорентийское отделение – Tavola – находилось на виа Порта-Росса.

Из-за местоположения Медичи иногда называли «тавольерами с Нового рынка». Так, например, они именуется в бухгалтерской книге Лаццаро ди Джованни ди Фео Браччи (ум. 1425), купца из Ареццо, обосновавшегося во Флоренции. Кстати, 8 ноября 1415 г. он приобрел у Медичи переводный вексель на Барселону, что доказывает, что их банк не ограничивался лишь местными операциями. Банк Козимо и Лоренцо де Медичи также упоминается в личных записях Россо ди Джованни ди Никколо де Медичи, очень дальнего родственника: в 1427 г. он открыл у них текущий счет, на который переводил местные платежи.

Из-за того что Медичи открыли банк в пределах городской черты Флоренции, они, поколение за поколением, вступали в корпорацию менял. Однако по флорентийской традиции членство в одной корпорации не служило препятствием к членству в другой. Для видных negociants, которые посвящали свои силы разным сферам деятельности, обычным делом было вступать не в одну корпорацию. Так, Франческо ди Марко Датини (1335–1410) был одновременно членом корпорации шелковщиков, которую называли Arte di Por Santa Maria или Arte della Seta (1387), корпорации менял (1399) и корпорации суконщиков (Arte di Calimala, 1404). То же можно сказать и о Медичи. Джованни ди Биччи, основатель Банка Медичи, вступил в корпорацию менял в 1386 г., пока еще числился на службе у своего дальнего родственника, мессера Вьери ди Камбио де Медичи; в 1403 г. он вступил также и в корпорацию шерстяников (Arte della Lana). Его сын, знаменитый Козимо, «отец отечества», записался как в корпорацию менял, так и в корпорацию шелковщиков (1433), но, очевидно, он не входил ни в корпорацию суконщиков, ни в корпорацию шерстяников¹². Зато сыновей Козимо приняли в последнюю в 1435 г., когда они были еще подростками 19 и 14 лет. К тому времени они уже состояли в корпорации менял: Пьеро ди Козимо – с 1425 г., а его брат Джованни – с 1426 г. Позже Пьеро вступил в корпорации шелковщиков (1436) и суконщиков (1439). Таким образом, он состоял в четырех корпорациях.

Представители следующего поколения, Лоренцо Великолепный и его брат Джулиано, пошли по стопам предков. 15 января 1459 г. их приняли в корпорацию торговцев тканями, несмотря на то что они были совсем мальчиками 10 и 6 лет. Почти семь лет спустя отец записал их в корпорацию менял (30 декабря 1465 г.). Позже, в 1469 г., только Лоренцо стал членом корпорации шелковщиков. Нет доказательств того, что он находился в списке корпорации шерстяников, но, возможно, записи просто не сохранились.

Как ясно из документов, Медичи не оставались в стороне от цеховой системы. Хотя последняя стремительно распадалась под действием меняющихся условий, она по-прежнему сохраняла регулирующую власть, которая определяла профессиональные стандарты и до известной степени сковывала личную инициативу. Однако неверно было бы преувеличивать роль цеховых организаций в Средние века. Их влияние было не так велико, как часто считают историки. Архивы корпораций сохранились, в то время как деловые записи, которые могли бы придать больше точности всей картине, часто уничтожались.

¹² Брат Козимо, Лоренцо ди Джованни, был членом тех же двух корпораций; он вступил в корпорацию менял в 1429 г., а в корпорацию шелковщиков – в 1435 г.

Флорентийский налог катасто

Ученые часто пренебрегают не имеющим себе равных архивом налоговых документов как источником экономической и социальной истории Флоренции. В основном им пользуются историки искусства, которые ищут данные, связанные со знаменитыми художниками, но до последнего времени этот клад информации не был исследован другими учеными, за исключением нескольких специалистов по генеалогии и первопроходцев, таких как Генрих Зивекинг и Альфред Дорен. Еще в XVIII в. путь проложил Джанфранческо Пальмини, но по его стопам последовали немногие. Однако архив налоговых документов необычайно богат всевозможными сведениями в области демографии, а также социальных и экономических условий. В архиве можно почерпнуть массу сведений в таких областях, как распределение богатства и дохода, классовая структура общества, распространение рабства, государственный долг, семейная жизнь, городская и сельская недвижимость, аграрные проблемы, организационная структура предприятий и др.

Во Флоренции, как и во всей средневековой Европе, правительство вначале получало почти все поступления из не прямых налогов: акцизных сборов (*gabelle*) и пошлин. Разумеется, такие сборы обладали серьезным недостатком, поскольку нарушали принцип платежеспособности и более тяжким бременем ложились на плечи не богатых, а бедных. Ввиду того что поступлений от таких не прямых налогов не хватало на покрытие государственных расходов, в течение XIII в. вводился прямой налог, называемый «оценочным» (*estimo*). Его можно считать своего рода имущественным налогом, основанным на оценочной стоимости недвижимости и личного имущества. Целью подобных оценок было не столько определить истинную стоимость, сколько вычислить цифру, которую можно было бы использовать в качестве индивидуальной нормы для назначения суммы сбора в каждом квартале, административном районе или церковном приходе. Иными словами, такой налог был тем, что французы называют «распределительным налогом» (*un implôt de répartition*).

Так как *estimo* основывался на более или менее произвольных расчетах, началось недовольство из-за несправедливости налоговой системы. Налог обременял одних больше, чем других, обычно бедняков в пользу богатых или политических противников в пользу «партии власти» и ее сторонников. Не уменьшили недовольства неоднократные реформы, например реформа 1285 г.

Estimo отменили в 1315 г. но снова ввели в 1325 г., потому что правительству, как всегда, требовалось больше доходов для финансирования очередной военной кампании, на сей раз против Каструччо Кастракани (ум. 1328), правителя Лукки. Под давлением простонародья предприняли более тщательную попытку устранить проявления несправедливости и неравенства в оценке и взимать со всех налоги «в зависимости от способности и возможностей». Оценки основывались на заявлениях самих налогоплательщиков, сделанных под присягой. Таким образом была заложена основа для будущего катасто. Еще одной чертой реформы 1325 г. было то, что ставка налога на имущество была пропорциональна оценочной стоимости. Но доход от профессиональной деятельности облагался налогом по прогрессивной шкале.

Из-за того что оценочный налог противоречил классовым интересам пополанов (*popolo grasso*), «жирного народа», или богатых купцов и сукновалов, они последовательно выступали против него. В течение XIV в. оценочный налог стал одним из главных источников конфликта между олигархами и бедняками (*popolo minuto*, «мелким людом»). Разумеется, *popolo minuto* называли не рабочий класс, а ремесленников из младших цехов¹³. В зависимости от тех

¹³ В 1378 г., во время восстания чомпи, простонародье тешно призывало заново ввести оценочный налог на постоянной основе.

или иных результатов этой борьбы за власть и необходимости в доходе оценочный налог то отменялся, то вводился вновь; однако синьория старалась по мере возможности полагаться на не прямые налоги, бремя которых тяжелее падало на бедняков.

Экстренные расходы финансировались с помощью другого средства: так называемых *prestanze*, то есть принудительных и добровольных займов. Вначале такие займы гарантировались ассигнованиями на специфические источники дохода, но этот метод доказал свою несостоятельность, так как вылился в конфискацию будущих доходов. В ноябре 1342 г. титулярный герцог Афинский (Вальтер де Бриенн), который правил Флоренцией как диктатор, оказался в таких стесненных обстоятельствах, что отменил все ассигнования, чтобы налоговые поступления текли в государственную казну, а не в карманы государственных кредиторов.

Текущая задолженность выросла до таких масштабов, что единственным решением казалось ее консолидирование. Закон от 29 декабря 1343 г. предписывал консолидировать все непогашенные долговые обязательства и включить их в реестр государственного долга. Через несколько месяцев издали еще один указ, по которому кредиты из реестра могли передаваться другим лицам со ставкой в 5 %. Таким образом, в 1343–1345 гг. возник *Monte Comune*, буквально «государственный фонд». Схоласты немедленно начали споры из-за того, законно ли получать проценты на государственные займы и допустимо ли покупать или продавать обязательства в *Monte Comune*. Францисканцы считали, что допустимо, а доминиканцы и августинцы – что нет. Такие противоречия лишь вызвали угрызения совести у добропорядочных граждан, но не мешали росту рыночной стоимости обязательств *Monte Comune* – или, выражаясь сегодняшним языком, государственных облигаций.

Несколько лет дела шли неплохо. Однако с ростом государственного долга становилось все труднее и труднее аккуратно выплачивать по нему проценты. Так как проценты вскоре начали погашаться с просрочкой, появился спекулятивный рынок просроченных долговых требований. С накоплением невыплаченных процентов цена на обязательства *Monte Comune* упала в 1427 г. до 60 %, в 1431 г. – до 31 %, а в 1458 г. – до 20 %.

Дело ухудшалось из-за уловок, которые применяло государство для того, чтобы побудить инвесторов добровольно ссужать ему деньги. Уже в 1358 г. новым подписчикам предлагали за 100 флоринов наличными долговых расписок на 300 флоринов. С помощью такой уловки удалось поднять ставку с 5 до 15 %, по крайней мере в теории. В 1362 г. власти снова прибегли к той же уловке, чтобы финансировать войну с Пизой. Не успели заключить мир, как в 1369 г. Флоренция развязала еще одну военную кампанию по аннексии Сан-Миниато-аль-Тедеско. Однако этот конфликт был незначительным, и необходимые деньги удалось собрать без труда: кредиторы получали долговые обязательства в пропорции не 3: 1 (*Monte dell'uno tre*), а всего 2: 1 (*Monte dell'uno due*), которые в 1380 г. слились со старым *Monte*.

Конечно, в тех случаях, когда добровольных подписок не хватало, синьория по-прежнему прибегала к принудительным займам. Особенно часто такое случалось в военное время; иногда за один год их бывало несколько. Популярный поэт Антонио Пуччи (ок. 1310–1388) в сатирическом ключе писал около 1373 г., что бывали займы каждый месяц. С течением времени способ подписки менялся, но более или менее следовал прецеденту, заложенному в основу оценочного налога, и основывался на критерии собственности. Поскольку законы до определенной степени трактовались произвольно, подобные оценки порождали недовольство и обвинения в фаворитизме и несправедливости.

В 1390 г., когда снова разразилась война с Миланом, приняли закон, призванный смягчить такого рода критику. Специальные уполномоченные в каждом приходе устанавливали индивидуальные квоты, призванные обеспечить справедливость и учитывать платежеспособность граждан. Плательщикам предоставляли выбор: заплатить свою долю целиком и получить

долю в Monte Comune или выплатить только половину и отказаться от дальнейших притязаний¹⁴. Таким образом, снова вводился оценочный налог, только, так сказать, через черный ход.

В начале XV в. Флорентийская республика оказалась вовлечена в ряд вооруженных конфликтов: завоевание Пизы (1404–1406), войну с Миланом (1422–1428) и безуспешную попытку захватить Лукку (1429–1430), породившую вторую войну с Миланом (1430–1433). Военные кампании возглавлялись алчными кондотьерами, и их отряды наемников требовали много денег. Особенно опустошила флорентийскую казну продолжительная война с Миланом, и существующих непрямых налогов оказалось недостаточно, чтобы восполнить дефицит. Настоятельной необходимостью стало получение дополнительных доходов. Несмотря на нелюбовь олигархов к прямым налогам, Ринальдо дельи Альбицци и правящая клика не видели иного выхода, чем учредить катасто (кадастр).

Считать катасто имущественным или подоходным налогом – вопрос спорный, так как в нем сочетались черты первого и второго. В противовес оценочному налогу, который, судя по названию, основан на оценке, проведенной группой податных чиновников, катасто, подобно современным подоходным налогам, основывался на доходах того или иного лица, которые назывались *portate*. Их налогоплательщики обговаривали со сборщиками налогов или чиновниками по сбору катасто. По закону глава каждого домовладения должен был подготовить декларацию с перечислением всего своего имущества, недвижимого и движимого (личного), свою долю в Monte Comune и все капиталовложения на родине и за границей. Чтобы власти имели возможность оценить доход от таких капиталовложений, налогоплательщик обязан был включить в декларацию последний баланс своей компании или финансовые документы каждой компании или фирмы, партнером которой он являлся. Так, к налоговым декларациям представителей семьи Медичи прикреплены несколько балансов за 1427 и 1433 гг.

В флорентийских архивах находятся многие и многие тысячи налоговых деклараций (*portate*), аккуратно разделенные по кварталам и приходам города. Именно это собрание, уникальное для Средневековья, служит драгоценным источником информации по всем сторонам общественной и экономической жизни. После того как налоговая декларация рассматривалась и одобрялась чиновниками, ее переписывали с некоторыми сокращениями в огромные переплетенные тома, которые назывались *caproni*. Большинство их дошло до наших дней и часто полезнее, чем сами налоговые декларации, потому что их легче читать. Кроме того, в них приводится сумма, которую должен уплатить подавший декларацию налогоплательщик. Далее на основе *caproni* составлялась сводка, точнее, список с именами налогоплательщиков и размерами начисленного налога. Изначально для каждого городского квартала существовали отдельные тома сводок, но до наших дней сохранился лишь полный свод катасто за 1457 г.

По закону от 22 мая 1427 г., выплаты должны были производиться каждые три года, а сумма, которую причиталось заплатить каждому налогоплательщику, должна была соответственно пересматриваться. Это условие было в действительности исполнено в 1430 г. (второй катасто) и в 1433 г. (третий катасто). С тех пор правило ослабили, возможно, из-за того, что каждый катасто представлял собой огромную работу. Новую ревизию произвели лишь в 1442 г. (четвертый катасто), 1446 г. (пятый катасто), 1451 г. (шестой катасто), 1457 г. (седьмой катасто), 1469–1470 гг. (восьмой катасто) и 1480–1481 гг. (девятый и последний катасто). Катасто отменили в 1495 г., вскоре после падения Медичи. Его заменили так называемой десятиной (*decima*), которую продолжали взимать весь XVIII век. В противовес катасто, десятину взимали только с недвижимого имущества. Следовательно, из него исключалась доля в Monte Comune и инвестиции в торговлю и промышленность. Такая перемена политики была вызвана желанием поощрить торговлю – нельзя было допустить, чтобы она пришла в упадок, потому что от нее зависели средства к существованию многих людей.

¹⁴ До 1390 г. такой выбор предоставлялся только тем, чьи взносы составляли 2 флорина или меньше.

Как указывает Никколо Макиавелли (1469–1527) в своей «Истории Флоренции», катасто 1427 г. стал шагом вперед по сравнению с уже существовавшим налогообложением, которое в целом проводилось по убывающей шкале. У налога катасто имелось по крайней мере одно достоинство: он был основан на платежеспособности. Правда, он был по-прежнему далек от совершенства, потому что допускал «великодушные» исключения в пользу богачей. Так, жилье налогоплательщика освобождалось от налогообложения, даже если этим жильем, как у Медичи, был настоящий дворец, в котором содержались бесценные произведения искусства.

По мнению Макиавелли, налоговая реформа 1427 г. угождала низшим классам, но была оскорбительна для богачей и состоятельных людей. Однако больше всего ее критиковали предприниматели. У них имелось несколько возражений. Некоторые из них звучат вполне современно. Конечно, с точки зрения коммерсантов было в высшей степени неправильно облагать налогом движимое имущество, «которое сегодня есть, а завтра нет». Такой налог, говорили критики, отбивал инициативу, сокращал объем деловой активности и способствовал оттоку капитала. Кроме того, катасто поощрял уклонение от уплаты налога, ибо подделки трудно было распознать, а движимое имущество, в отличие от недвижимого, без труда можно было скрыть. Более того, флорентийские предприниматели подделывали свои бухгалтерские книги, чтобы платить меньше. Один торговец шелками, Андреа ди Франческо Банки (1372–1462), подделывал свои счета, чтобы казалось, что его инвестиции меньше, чем на самом деле. В личной переписке его младший партнер иронично замечает, что цифры были подделаны «из любви к катасто» (*per amore del catasto*). Наконец, флорентийские купцы и владельцы мануфактур возражали против назойливости сборщиков, которые требовали предъявлять бухгалтерские книги. В довершение всего сборщики могли оказаться конкурентами.

Закон 1427 г. устанавливал, после определенных вычетов, единую ставку в 0,5 % от общей стоимости имущества налогоплательщика. Таким образом, можно считать катасто имущественным налогом. Однако облагаемая налогом стоимость определялась не с помощью оценки или сметы, а путем капитализации реального или оценочного дохода на основе нормы прибыли, составлявшей 7 % в год. Например, в Тоскане арендная плата за сельскохозяйственные угодья часто выплачивалась в соответствии с системой издольщиков (*mezzadria*). В интересах налогообложения денежный доход определялся путем цен, устанавливаемых чиновниками налогового ведомства на различные сельскохозяйственные продукты: пшеницу, вино, овес, оливки и т. д. Такой предполагаемый доход затем капитализировался (превращался в условную сумму) на основе 7 % годовых, поэтому доход в 7 флоринов соответствовал стоимости имущества в 100 флоринов, 14 флоринов – 200 флоринов и т. д. Стоимость городского имущества определялась просто путем капитализации денежной арендной платы, получаемой домовладельцем. Стоимость доли в *Monte Comune*, однако, определялась налоговыми чиновниками, которые руководствовались текущими рыночными ценами. Налог на компании, по крайней мере в 1427 г., основывался на сумме инвестированного капитала и прибыли¹⁵.

Общая стоимость имущества налогоплательщика, которая определялась по вышеприведенным правилам, называлась *sostanze*. Далее налогоплательщику позволялось сделать вычеты (*detrazioni*) из этой суммы: долги, штрафы (*carichi*) и 200 флоринов в месяц на каждого члена семьи, в том числе слуг и рабов (*bocca*)¹⁶. Оставшаяся сумма составляла материальные ценности, облагаемые налогом (*sovraabbonante*). В 1427 г. ставка налогообложения была одинаковой и составляла 0,5 %. Вдобавок имелся подушный налог (*testa*), который колебался от 2 до 6 золотых сольдо за каждого мужчину с 18 до 60 лет.

¹⁵ Например, Фолько д'Адоардо Портинари (1386–1431), младший партнер Банка Медичи во Флоренции, заявил, что он вложил 800 флоринов в эту компанию и его доля в накопленных прибылях равнялась 120 флоринов.

¹⁶ В XV в. домашнее рабство было распространенным явлением в Тоскане. Во Флоренции, наверное, не было ни одной видной семьи, где не было бы рабов, главным образом рабынь. То же справедливо и в отношении Медичи, Пацци, Строцци и даже декретиста мессера Лоренцо д'Антонио Ридольфи.

Те, у кого не было *sovrabbondante*, тем не менее облагались налогом по соглашению с налоговыми чиновниками. Такие налогоплательщики не относились ни к числу богачей, ни даже к состоятельным горожанам и редко платили больше одного флорина. Тех, у кого вовсе не было имущества, кто жил на заработную плату (получал фиксированный оклад) и был обременен большой семьей, причисляли к беднякам (пауперам). Они налога не платили. К этой категории относилось около трети населения Флоренции. Кстати, бедным ткачам приходилось сообщать о своих ткацких станках, поскольку они считались инвестицией в производственное оборудование.

Закон о катасто 1427 г., особенно в части ставок и вычетов, оставался практически неизменным до 1480 г. Впрочем, похоже, инвестиции в компании в 1442 и 1446 гг. записывались отдельно.

Таблица 1 отражает доход, полученный Козимо ди Джованни де Медичи перед седьмым катасто 1457 г. В то время в семью Козимо входили его супруга (Мадонна Контессина), два его сына (Пьеро и Джованни), племянник (Пьерфранческо) и их жены и дети, всего 14 человек. Козимо утверждал, что, если учесть слуг, служанок, нянь и гувернеров, ему приходилось ежедневно кормить 50 ртов. Однако ему позволяли сделать вычеты только для ближайших родственников. Как показывает таблица, его имущество, облагаемое налогом, оценивалось в 115 170 флоринов, и налог он платил по единой ставке 0,5 %. Вдобавок он платил подушный налог в 6 сольдо за трех мужчин (Пьеро и Джованни ди Козимо, а также Пьерфранческо ди Лоренцо) в возрасте от 18 до 60 лет. Поскольку сам он к тому времени разменял восьмой десяток, его от выплаты подушного налога освободили. Козимо подавал общую налоговую декларацию, потому что семейное имущество оставалось частично не разделенным между ним и его племянником, единственным выжившим сыном его брата Лоренцо¹⁷.

Таблица 1

Налоговые выплаты Козимо де Медичи и Пьерфранческо, его племянника, в соответствии с их налоговой декларацией 1457 г.

	фл.	с.	д.
Общая стоимость недвижимого имущества, в том числе двух дворцов на виа Ларга, вилл Кареджи, Кафаджиоло и Треббико и домов в Пизе и Милане	59 741	18	18
Четыре раба	120	0	0
Доля в Monte Comune или государственном долге	8569	8	0
Инвестиции в бизнес	54 238	8	0
Всего активов (sostanze)	122 669	14	8
	фл.	с.	д.
Удержания (detrazioni):			
5% на административные расходы от стоимости недвижимости, ок. 59 700 фл.	2985	0	0
120 пар волов (120 × 100 : 7)	1714	5	8*
14 ртов (bosche), по 200 фл.	2800	0	0
Имущество, подлежащее налогообложению (sovrabbondante)	115 170	9	0
Расчет налога			
0,5% на sovrabbondante	575	17	1
Подушный налог — 3 человека, Пьеро, Джованни и Пьерфранческо		18	0
Итого	576	15	1

* Законы о катасто позволяли вычитать 1 флорин ежегодного дохода на каждую пару волов, которая использовалась при обработке с/х угодий.

Вплоть до 1481 г. катасто рассчитывали по единой ставке. Во всяком случае, судя по декларациям Медичи, ставка налогообложения в 1469–1470 гг. для восьмого катасто по-прежнему составляла 0,5 % от *sovrabbondante*, так как Лоренцо Великолепный, чей отец только что

¹⁷ Раздел произвели в 1451 г., но часть имущества оставалась в совместном владении.

умер, назначили налог в 332 «запечатанных» флорина, 5 сольдо, 4 денаро при общей оценке имущества в 66 452 флорина. После нескольких исправлений налог наконец сократили до 253 флоринов 15 с. 2 д. Кузен Лоренцо, Пьерфранческо, заплатил 225 «запечатанных» флоринов 6 с. 6 д. × на имущество, облагаемое налогом, в размере 45 065 флоринов (также 0,5 %). Как видно, ставка была вполне умеренной, и катасто не был для них тяжким бременем, если бы его собирали только один раз в год. К сожалению, довольно часто налог взимали дважды за один и тот же год, а иногда, в экстренных случаях, и чаще.

До 1481 г. принцип прогрессивного налогообложения не применялся к катасто, однако он уже был известен. Флорентийские власти испытали его в связи с двумя экстренными сборами: *graziosa* в 1443 г. и *dispiacente* в 1447 г. В 1480 г. решено было распространить прогрессивную шкалу и на катасто. После нескольких поправок прогрессивная шкала, приведенная в таблице 2, была наконец одобрена в ноябре 1481 г. Из декларации Лоренцо Великолепного для катасто 1480–1481 гг. (таблица 3) видно, что налог по-прежнему основывался на общей сумме оцененного имущества налогоплательщика. В целях налогообложения ежегодный доход рассчитывался путем взятия 7 % от всей суммы. Затем весь этот теоретический доход обложили налогом по прогрессивной ставке в 22 %. Налог вырос отнюдь не постепенно, как, например, в современных США¹⁸.

Ставки налогообложения во Флоренции XV в. ни в коей мере нельзя назвать низкими. По мнению историка Джузеппе Канестрини, градуированный катасто в период с декабря 1481 г. по август 1482 г. собирали трижды. Поскольку наивысшая ставка составляла 22 %, общая сумма налога меньше чем за год составила 66 % от дохода, подлежащего налогообложению. Правда, рассчитываемый доход был теоретическим и на самом деле был гораздо ниже истинного дохода. Тем не менее налоговое бремя было велико, и можно понять, почему состоятельные горожане ненавидели прогрессивный катасто еще больше, чем пропорциональный налог, который взимали до 1481 г. В результате сразу после изгнания Медичи в 1494 г. катасто отменили. Возможно, эксперимент с прогрессивным налогообложением был преждевременным. Во всяком случае, примечательно, что флорентийский катасто XV в. имеет много общих черт с современными подоходными налогами.

Таблица 2
Прогрессивная шкала катасто 1481 г.

Доход, облагаемый налогами	Ставка, %
Менее 50 фл.	7,0
От 50 до 75 фл.	8,0
От 75 до 100 фл.	11,5
От 100 до 150 фл.	14,0
От 150 до 200 фл.	16
От 200 до 250 фл.	18
От 250 до 300 фл.	20
От 300 до 400 фл.	21
400 фл. и выше	22

Архивы катасто позволяют сделать интересные выводы о распределении богатства, а также финансовом и социальном статусе разных семей, которые либо были связаны с Медичи узами родства, либо были их конкурентами в политике и бизнесе. В 1427 г. Медичи еще нельзя было назвать богатейшей семьей во Флоренции. Джованни ди Биччи значился лишь третьим в списке; его опережали два брата Панчатики, наследники мессера Бартоломео, и мессер Палла

¹⁸ Например, Антонио ди Таддео ди Филиппо, партнер Медичи, задекларировал *valsente* в размере 3288 фл. 7 с. 4 д., и после вычета 5 % сумма составила 3066 фл. 19 с. Эта цифра при 7 % дает ежегодный доход в 214 фл. 13 с. 9 д. В соответствии со шкалой (табл. 2) налог Антонио составлял 18 % от этой суммы, или 38 фл. 12 с. 9 д., что соответствует *portata*. Поскольку у меня получились те же результаты, видимо, мой метод расчета налога правилен.

ди Нофри Строцци (1372–1462), банкир и гуманист, позже отправленный Козимо в ссылку. Тридцать лет спустя, в 1457 г., судя по налоговым декларациям, Медичи значительно опередили всех конкурентов и платили самый высокий налог во Флоренции. Сравнение налоговых деклараций разных лет позволяет видеть, что одни семьи все больше богатели, в то время как дела других шли под гору. Как и в наши дни, тогда разные ветви одной и той же семьи и даже близкие родственники сильно отличались по своему имущественному положению. Семья Медичи не была исключением из правила; в нее входили ветви, которые считались хорошо обеспеченными – пусть и не такими богатыми, как потомки Джованни ди Биччи, – и ветви, которые владели весьма скромными средствами или даже относились к классу бедняков. Так случилось с детьми и внуками мессера Вьери ди Камбио де Медичи, которые из-за ненадлежащего управления скатились в такую бедность, что подали прошение об освобождении от уплаты катасто. Видный флорентийский государственный деятель Никколо ди Джованни да Уццано, который принадлежал к богатейшим гражданам Флоренции, содержал, судя по его налоговой декларации, не только обедневшую вдову, но и внебрачную дочь своего брата Аньоло, очевидно, неудачника, который промотал состояние на вино, женщин и песни.

Таблица 3

Налог, выплаченный Лоренцо Великолепным, в соответствии с декларацией 1481 г.

	фл.	с.	д.
Всего имущества (valsente)	57 930	7	4
Вычет 5% на администрацию	2896	10	10
Чистая стоимость имущества	55 033	16	6
Ежегодный доход: 7% от 55 033 фл. 16 с. 6 д.	3852	11	4
Вычет: экстренные расходы	1500	0	0
Доход, подлежащий налогообложению	2352	11	4
Налог: 22% по шкале (табл. 2) на 2352 фл. 11 с. 4 д.	517	11	8

Таблица 4

Распределение домохозяйств налогоплательщиков в соответствии с флорентийским катасто 1457 г.

Сумма налога	Без поправок			С поправками		
	Домовладения	% от целого	Суммарная доля в %	Домовладения	% от целого	Суммарная доля в %
Бедняки				3000	28,21	28,21
До 5 с.	3753	49,15	49,15	3753	35,29	35,29
От 5 до 10 с.	1148	15,03	64,18	1148	10,80	74,30
От 10 с. до 1 фл.	819	10,73	74,91	819	7,70	82,00
От 1 до 2 фл.	661	8,66	83,57	661	6,21	88,21
От 2 до 3 фл.	330	4,32	87,89	330	3,10	91,31
От 3 до 5 фл.	381	4,99	92,88	381	3,58	94,89
От 5 до 10 фл.	317	4,15	97,03	317	2,98	97,87
От 10 до 20 фл.	165	2,16	99,19	165	1,55	99,42
От 20 до 50 фл.	51	0,66	99,85	51	0,48	99,90
От 50 до 100 фл.	8	0,11	99,96	8	0,07	99,97
От 100 фл. и выше	3	0,04	100	3	0,03	100
Итого	7636	100		10 636	100	

Статистический анализ данных катасто показывает, что распределение богатства было очень неравномерным и число богачей представляло малую долю всего населения. В 1457 г., единственном, за который сохранились все сводки, в городе насчитывалось 7636 домохозяйств. Эта цифра, естественно, не включает духовенство, черное и белое. Неизвестно и количество бедняков, которые не платили налога. Их количество можно довольно точно предположить в размере около 3 тыс. семей, так как из катасто 1427 г. известно, что всего было подано 10 171 декларация, из которых 2924 принадлежали беднякам. Если считать бедными тех, кто не пла-

тил налога или платил менее одного флорина, в эту категорию попадает 82 % домохозяйств. Так называемые «средние классы», которые платили от 1 до 10 флоринов налога, находились в меньшинстве (менее 16 % от суммарного количества домохозяйств). Богачи, которые платили 10 флоринов налога и более, составляли лишь 2,13 % всего населения. Если отбросить вышеприведенную цифру в 3000 бедняков, проценты в нескорректированных данных будут другими, но общая картина остается примерно той же самой. Богатые по-прежнему составляли крошечную долю от всех граждан Флоренции.

В соответствии со сводкой 1457 г., всего 227 домохозяйств платили более 10 флоринов налога (таблица 4). В 1427 г. насчитывалось 200 домохозяйств, плативших 25 флоринов или более. Такое расхождение легко объясняется тем, что в 1427 г. оценка в целом была выше, чем в 1457 г., возможно, из-за смены методов. Во всяком случае, в 1457 г. насчитывалось всего 3 домохозяйства, которые платили налог более 100 флоринов (таблицы 4 и 5). Медичи значительно опережали остальных. За ними шли наследники Джованни д'Америго Бенчи, бывшего главного управляющего Банком Медичи, а на третьем месте находился Джованни ди Паоло Ручеллаи, банкир, который нанял Лео Баттиста дельи Альберти (1404–1472) для постройки знаменитого дворца и лоджии на виа Делла Винья Нуова и фасада базилики Санта-Мария Новелла.

И в следующей группе, которая платила от 50 до 100 флоринов, всего 8 семей. В нее входят два дома Пацци, Якопо ди мессер Андреа и сыновья его брата Антонио. Видимо, их совокупное богатство превосходило богатство любой другой семьи во Флоренции, за исключением Медичи. Пацци были ближайшими соперниками Медичи. Наверное, именно поэтому одна семья стремилась уничтожить другую. Строцци нет в списке, потому что они жили в ссылке. Что же касается Куаратези, они в первую очередь были крупными землевладельцами и почти не интересовались банковскими операциями. Ближе к концу списка мы находим имя Андреа Банки, владельца шелковой мануфактуры. В 1457 г. он был очень старым человеком – он умер девяностолетним в 1462 г., не оставив наследников мужского пола, – и не принадлежал к видной семье. Благодаря своему коварству и превосходной деловой хватке он процветал и сколотил состояние. Достоверно известно, что он обманывал налоговых инспекторов и должен был платить гораздо более высокий налог¹⁹. Каппони в 1457 г. не были очень активны; лишь после 1470 г. их банк в Лионе стал опасным конкурентом отделения Медичи в том же городе.

Таблица 5

Список налогоплательщиков, которые платили более 50 флоринов по катастро 1457 г.

	Фл.	с.	д.
1. Козимо ди Джованни и Пьерфранческо де Медичи	576	15	1
2. Наследники Джованни д'Америго Бенчи	132	10	8
3. Джованни ди Паоло Ручеллаи	102	17	2
4. Каstellо ди Пьеро Куаратези	98	12	0
5. Танаи ди Франческо Нерли	88	18	1
6. Якопо ди мессер Андреа деи Пацци	84	3	7
7. Андреа ди Лапо Гварди	70	11	9
8. Джино ди Нери ди Джино ди Нери Каппони	63	18	4
9. Якопо ди Пьеро Барончелли	60	10	9
10. Андреа ди Франческо Банки	54	4	8
11. Сыновья Антонио ди мессер Андреа деи Пацци	51	15	10
Итого	1384	17	11

Хотя всестороннее рассмотрение катастро – тема очень интересная, она находится за пределами данного труда. Поэтому мы ограничились лишь несколькими словами о флорентий-

¹⁹ Налоговые чиновники в 1430–1431 гг. заставили Банки показать свои бухгалтерские книги, но им не удалось прояснить дело, поэтому они вынуждены были согласиться с его цифрами.

ской системе налогообложения. В дальнейшем довольно часто придется ссылаться на данные, взятые из налоговых деклараций Медичи, их партнеров, служащих или конкурентов.

Денежные системы, используемые в записях Медичи

Деньги – еще одна тема, которая требует нескольких вступительных замечаний. Это сложный вопрос, но его можно значительно упростить, если рассмотреть несколько важнейших черт флорентийской денежной системы и иностранных валют, часто упоминаемых в записях Медичи.

В XV в. Флоренция опиралась на двойной стандарт: золотой и серебряный. Первый был привязан к флорину, золотой монете, которая получила такое название, потому что на аверсе был выбит герб города – геральдическая лилия, fleur-de-lis. Серебряная валюта (*moneta di piccioli*) состояла из мелких «пиччоли», а позже «куатрини», состоявших из четырех денье пиччоли. Трудности возникали оттого, что между двумя системами не существовало четкой зависимости, так как курс флорина колебался в зависимости от рыночной конъюнктуры. В целом курс рос, и флорин, впервые выпущенный в 1252 г., стоил тогда фунт пенни (пиччоли), и к 1500 г. его стоимость приблизилась к 7 фунтам пиччоли. Такой рост объяснялся главным образом неуклонным обесцениванием серебряной валюты, в то время как содержание золота во флорине оставалось относительно стабильным.

По закону проводить операции и вести бухгалтерию в золотых флоринах позволялось лишь членам корпорации суконщиков, занимавшимся международной торговлей, менялам, производителям сукна и шелка, бакалейщикам и меховщикам. Все остальные, как лавочники, так и ремесленники, обязаны были вести дела и отчитываться в мелкой серебряной валюте (*moneta di piccioli*). Серебряными деньгами платили и заработную плату: так как работодатели контролировали правительство, время от времени они оказывали давление на членов синьории, отвечавших за финансовое регулирование. Поэтому серебряная валюта обесценивалась и, хотя номинально оклады оставались теми же, реальные заработки понижались. Такую практику осуждал Антонин Пьероци, архиепископ Флоренции (1389–1459). Естественно, одновременное хождение двух валют порождало устойчивый спрос на услуги менял, которые за комиссионное вознаграждение обменивали флорины на пиччоли и обратно. Больше нигде в Европе, за исключением Венеции, такой ситуации не было.

Впервые выпущенный в 1252 г. флорин весил 3,53 г, или 72 грана, так как 96 флоринов отливались из флорентийского фунта, состоявшего из 339 г, или 6912 гран. Флорин содержал 24 карата золота, хотя на практике такой точности никогда не достигали из-за технических сложностей и невозможности полностью очистить металл от примесей.

Во избежание обрезывания и стирания в обычай вошло обращение золотых флоринов в небольших кожаных мешках, запечатанных печатью монетного двора, отсюда и название «запечатанные» флорины (*fiorini di suggello*). Такая практика упоминается уже в распоряжении корпорации менял от 1299 г. Корпорация угрожала серьезными штрафами любому своему члену, который в мошеннических целях будет выпускать запечатанные мешки, содержавшие облегченные или поддельные флорины. Несмотря на такие меры предосторожности, стандарт, установленный в 1252 г., оказалось невозможно поддерживать. Судя по всему, флорентийским властям не удалось предотвратить циркуляцию фальшивых флоринов, которые чеканились за границей. В результате после 1321 г., если не раньше, «запечатанные» флорины перестали содержать полный вес в 72 грана. Лишь в 1433 г. правительство Флоренции вернулось к прежнему стандарту, выпустив «широкий» флорин (*fiorino largo*), в котором содержалось на 10 % больше золота, чем в ходивших тогда «запечатанных» флоринах. За несколько лет разрыв увеличился на 20 %, и пять «широких» флоринов равнялись шести «запечатанным».

12 декабря 1464 г. такой обменный курс был легализован. Объявили, что все платежи, связанные с приданым, недвижимостью, переводными векселями и банковскими депозитами надлежит производить в «широких» флоринах соответствующего веса и чистоты. Последовав-

ший закон от 22 октября 1471 г., вовсе отменивший «запечатанные» флорины, предписывал отныне хождение исключительно «широкого» флорина как денежной единицы для всех коммерческих операций, при которых по обычаю принято было рассчитываться в золотой, а не серебряной валюте.

Популярным расчетным средством во Флоренции XIV в. был фунт флоринов, или счетоводный фунт. Такой монеты в реальном обращении не было. Расчетный, или счетоводный, фунт равнялся $20/29$ флорина. Счетоводный фунт, подобно английскому фунту, состоял из 20 счетоводных сольди (шиллингов или су), которые, в свою очередь, состояли из 12 счетоводных денаро каждое. Следовательно, счетоводный флорин состоял из 29 счетоводных сольди или 348 счетоводных денаро. Такую систему расчетов можно найти в *libri segreti* Банка Медичи, записи в которых охватывают период с 1397 по 1450 г. Иногда флорин также делился на 20 золотых сольдо, каждое из которых, в свою очередь, состояло из 12 золотых денаро. Такое деление становилось все более и более распространенным после введения «широкого» флорина. Хотя золотой флорин был реально существовавшей монетой, его доли, сольдо и денаро, были лишь расчетными единицами; в действительном обращении таких монет не существовало. Чтобы представить тогдашнюю систему в более сжатом виде, ее можно свести к следующим уравнениям:

Золото

1 флорин = 20 золотых сольдо = 240 золотых денаро

1 флорин = 29 счетоводных сольдо = 348 счетоводных денаро

20 флоринов = 29 счетоводных фунтов

Серебро

1 фунт серебра (пиччоли) = 20 серебряных сольди = 240 серебряных денаро (денье)

Как уже отмечалось, две валюты, основанные на золотом и серебряном стандарте, имели независимое друг от друга хождение. В результате возникли две различные ценовые системы. В целом оптовые цены котировались во флоринах и долях флорина, а заработную плату и розничные цены устанавливали в серебре. Такие банкиры, как Медичи, вели расчеты и свои бухгалтерские книги во флоринах. Серебром они пользовались редко, лишь при небольших операциях. В отличие от биметаллизма, получившего широкое распространение в XIX в., во Флоренции периода Средних веков и Возрождения не было зафиксированного законом курса обмена золота на серебро. Флорин не всегда стоил одно и то же количество серебряных пиччоли, так как курс колебался – в основном шел вверх – и иногда менялся из месяца в месяц или изо дня в день.

Фунтовая система, которая сохранилась по сей день в Великобритании, в Средние века применялась почти во всей Западной Европе, за исключением Испании, Португалии и Германии. Конечно, в разных странах фунты отличались по названию, а также по своей стоимости. Их не следует путать. Точно так же в наши дни необходимо различать бельгийские, французские и швейцарские франки. Хотя все они называются франками, это три разные валюты, которые сильно различаются по своей стоимости. Когда-то, до 1914 г., они имели одинаковую ценность, но разошлись с началом Первой мировой войны.

Английский фунт стерлингов находится в обращении и поныне. Во Фландрии коммерсанты вели расчеты в фунтах groot (*ит.* *lira di grossi*, *фр.* *livre de gros*, *флам.* *pond grooten Vlaamsch*), имевших в своей основе groot (*grosso*, *gros*, *groot*), мелкую серебряную монету. Фламандский фунт groot не следует путать с венецианским фунтом groot (который в бухгалтерских книгах Медичи называется также *lira di grossi*), состоявшим из 10 дукатов. На протяжении всего XV в. венецианские фунты стоили вдвое дороже фламандских. Более того, они

были привязаны к золотому дукату, а не к серебряной монете. В Милане имел хождение еще один фунт (имперский), состоявший из 240 импералов, что гораздо мельче, чем предшествующие фунты, из-за постоянного обесценивания серебряного имперала, к которому миланский фунт был привязан. Еще более запутанное положение возникло в Женеве, где в обращении находился не фунт, а эю. Стандартным символом, представлявшим эту единицу, был перевернутый треугольник (∇).

К сожалению, здесь часто возникает путаница из-за того, что хождение имели два вида эю, которые равнялись $1/64$ или $1/66$ золотой марки. В 1466 г., когда женевские ярмарки перенесли в Лион, бухгалтерию вели в эю, равных $1/64$ марки. В авиньонском филиале расчеты велись во *fiorini pitetti*, которые были легче «запечатанных» флоринов и стоили 24 сольди по 12 денаро каждое, так что авиньонский флорин состоял из 288, а не из обычных 240 денаро. Филиал Банка Медичи при Римской курии вел расчеты в камеральных флоринах или *fiorini di camera*, для удобства делившихся на 20 расчетных (воображаемых) сольди по 12 денаро каждое. В Генуе и Барселоне у Банка Медичи филиалов не было, но купцы в этих двух городах вели расчеты в фунтах: генуэзском фунте, или *lira genovese*, в Генуе и барселонском фунте, или *lira de barcellonesi*, в Барселоне. В Генуе обменный курс иногда устанавливался на основе еще одного расчетного флорина, состоявшего из 25 генуэзских сольди.

В данной книге нет необходимости далее углубляться в валютные тонкости, объяснять другие осложнения или разъяснять денежную политику. Чтобы избежать путаницы, читателю достаточно будет ознакомиться с расчетными деньгами и денежными системами, которые применялись в документах Медичи и других коммерсантов XV в.

Глава 3

Предшественники Банка Медичи и его первые годы под управлением Джованни ди Биччи, 1397–1429 гг

До недавнего времени о предшественниках Банка Медичи ничего не было известно. Историки не могли объяснить, почему в начале XV в. он стал ведущим банкирским домом. Судя по сохранившимся документам, прямые предки основателя Банка Медичи, Джованни ди Биччи (1360–1429), не были банкирами и не состояли в корпорации менял. Они не накопили огромного состояния; главным образом они вкладывали деньги в сельскую недвижимость в Муджелло (район в Апеннинах в окрестностях Болоньи), откуда и происходят Медичи.

В 1363 г., когда отец Джованни, Аверардо детто (то есть известный как) Биччи, умер от чумы, он сделал несколько небольших завещательных даров и отвел 50 фунтов ди пиччоли (около 140 долларов) в возмещение несправедливо полученных прибылей. Возвратив жене приданое в размере 800 флоринов, все оставшееся имущество он велел разделить поровну между пятью своими сыновьями: Маттео, Франческо, Микеле, Джованни и Паоло. 13 августа 1384 г., когда его вдова Джакома Спини составляла завещание, ее главными наследниками также значились пятеро сыновей. Нигде нет никаких доказательств, что Аверардо детто Биччи был выдающимся или хотя бы умеренно удачливым предпринимателем.

До последнего времени историки уделяли недостаточно внимания их дальнему родственнику, мессеру Вьери ди Камбио (или Камбьоццо) де Медичи (1323–1395), который после 1370 г. стал одним из ведущих флорентийских банкиров. Роль этого человека чрезвычайно важна: сейчас уже нет сомнений в том, что Банк Медичи, основанный Джованни ди Биччи, отпочковался от банкирского дома мессера Вьери. И Джованни, и его старший брат Франческо служили в банке своего родственника. Они начали учениками, были повышены в факторы, а затем доросли до партнеров²⁰.

Мессер Вьери ди Камбио де Медичи не принадлежал, подобно своим дальним родственникам, к ветви Кафаджоло или Аверардо. Он принадлежал к другой ветви семьи, родоначальником которой считается Липпо ди Кьяррессимо. Еще одним представителем этой ветви был Сальвестро ди мессер Аламанно, двоюродный брат Вьери, который сыграл заметную роль в восстании чомпи (1378). Вьери стал одним из первых Медичи, получивших рыцарское звание²¹.

В 1348 г. Вьери ди Камбио вступил в корпорацию менял. Он занимался банковским делом сорок с лишним лет, учредив ряд компаний и постепенно расширяя сферу деятельности. В нее входило не только банковское дело, но и торговля, так как в 1369 г. «Вьери ди Камбио де Медичи и К^о.» числится среди флорентийских домов, которые занимались грузоперевозками через территорию Пизы. К 1385 г. компания «Вьери де Медичи и Якопо ди Франческо Вентури» даже открыла филиал в Венеции, который занимался иностранными векселями, и имела корреспондентов на побережье Далмации, в Заре, где ее представителем был Паоло ди Берто Грассини.

Судя по архивам корпорации менял, лишь в 1382 г. Франческо ди Биччи де Медичи (ок. 1350–1412) приняли в компанию в качестве младшего партнера. Другими партнерами Вьери в то время были: Никколо ди Риккардо Фаньи, или маэстро Фаньо, Джованни ди Арриго Ринальдески да Прато и Якопо ди Франческо Вентури. За восемь лет Франческо ди Биччи де Медичи дорос до старшего партнера. До наших дней дошел документ от 4 июля 1390 г.,

²⁰ Слово «фактор», которое часто встречается в флорентийских архивах, означает просто «клерк» или «служащий».

²¹ Он был одним из 67 граждан Флоренции, которых посвятили в рыцари 20 июля 1378 г.

составленный в пользу «мессера Вьери и Франческо де Медичи» в Генуе, что предполагает, что у банка Вьери имелись филиалы по всей Италии. Вдобавок к отделениям в Венеции и Генуе у банка имелся филиал в Риме. Начиная с 1385 г. управляющим римским филиалом был Джованни ди Биччи (1360–1429), младший брат Франческо, человек, который позже основал Банк Медичи и стал родоначальником правящих Медичи²².

Несомненно, римский филиал имел статус отдельной компании, в которой Джованни ди Биччи принимал участие в качестве младшего партнера и управляющего. По подобному образцу позже выстраивалась структура его собственного банка. Возможно, он инвестировал в компанию приданое своей жены, Пиккарды Буэри, в размере 1500 флоринов. В 1386–1393 гг. компания называлась «Вьери и Джованни ди Медичи в Риме». Это убедительное свидетельство, поскольку до нас дошли пять деловых писем от 1392 г. с такой подписью из архивов Даттини (они были адресованы конторам Франческо Даттини во Флоренции, Пизе и Генуе).

Сотрудничество Джованни ди Биччи с Вьери ди Камбио окончилось самое позднее в 1393 г. С тех пор на письмах, сохранившихся в архиве Даттини, которые рассылались Банком Медичи в Риме, имя Вьери опускается, а компания носит название: «Джованни де Медичи и компания в Риме». Скорее всего, Вьери отошел от дел из-за слабого здоровья, ведь ему было уже за семьдесят, и через два года (13 сентября 1395 г.) он умер. Запись в первой *libro segreto*, начатой в 1397 г., подтверждает, что Джованни ди Биччи, учредив свою компанию, вынужден был принять все активы и обязательства «мессера Вьери и компании», в том числе ряд безнадежных долгов. В новую компанию, носившую имя самого Джованни, в качестве младшего партнера входил Бенедетто ди Липпаччо де Барди, который позже стал главным управляющим Банком Медичи.

²² Джованни ди Биччи вступил в корпорацию менял (Арте дель Камбио) 14 февраля 1386 г., в возрасте 26 лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.